

ИЗ МЕТОДИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Яков Аронович Роткович (1909– 1975)

Представляем статью о Я.А. Ротковиче, написанную и опубликованную в Куйбышевской областной молодежной газете «Волжский комсомолец» в феврале 1969 года. Автор статьи — тогда студент третьего курса филологического факультета Куйбышевского педагогического института им. В.В. Куйбышева, Ленинский стипендиат, а ныне — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской и зарубежной литературы Самарского государственного университета Сергей Голубков.

Перед ним первокурсники. Лектор вынимает из портфеля записи и с интересом, даже несколько загадочно, смотрит на сидящих перед ним. Какие они — новенькие? Затем он начинает мягко, спокойно, сдержанно говорить. Лектор постепенно увлекается, подыскивает красочные сравнения, оперирует массой знакомых и незнакомых студентам имен, названий. Очень просто и легко, не усложняя лекцию, вводит необходимые термины. Почти каждый, не зная его профессии, по одному виду определяет: «Настоящий профессор, ученый». А когда услышит его лекции, увидит его в общении с коллегами и со студентами, он повторит уже со значением: «Настоящий профессор!» Его зовут Яков Аронович Роткович.

Полдень. На лестничных площадках Дома специалистов тихо. Осторожно стучу в дверь. Открывает сам Яков Аронович, гостеприимно улыбается, приглашает в кабинет. Здесь тот неповторимый уют, который создают книги, торжественно выстроенные на темно-коричневых стеллажах. Большой письменный стол. На нем кипа листов, свидетельствующих об утренней работе профессора. Создается книга...

Я оглядываю книжное царство и невольно спрашиваю: «Вы — библиофил?» — «Есть библиофилы, собирающие книги ради книг. Дома у них настоящая лавка древностей. Таких людей я не понимаю. Все книги, которые вы здесь видите, так или иначе связаны с моей работой. Есть, конечно, и «следы» былых интересов, увлечений. Вот, например, книги по философии. Здесь и Аристотель, и Платон, и Декарт, и Робинз, и Гегель. Я действительно очень увлекался философией, упорно ею занимался. Нередко обращаюсь к этим книгам и сейчас».

На одной из полок я вижу редкие ныне издания 20-х годов: Луначарский, Сакулин, Тьянянов... Выпущенные в скромных бумажных переплетах, книги первых наших критиков и литературоведов по прошествии стольких лет уже обветшали. Яков Аронович выравнивает их на полке, проводит рукой по их корешкам: «Они свидетели моих студенческих лет». Профессор достает из стола книгу в коричневом переплете. На обложке стоит: Я.А. Роткович. «В.Я. Стоюнин. Жизнь и творчество». «Во всем Советском Союзе это единственный экземпляр». Яков Аронович рассказывает, как в 1940 году по каким-то издательским соображениям его книгу о педагоге В.Я. Стоюнине было решено печатать не в Москве, а в смоленской типографии. Книгу издали. Но вдруг грянула война. Смоленск оккупировали гитлеровцы. Восемьтысячный тираж вывезти не удалось, и он был сожжен. На руках автора остался один сигнальный экземпляр.

Я внимательно слушаю Якова Ароновича и еще раз убеждаюсь в его большом мастерстве рассказчика. Не случайно поэтому он желанный гость повсюду — и на зональных научных конференциях, и, скажем, в школе юных филологов. Кстати, об этой школе. Яков Аронович часто там выступает. Его лекции становятся для старшеклассников настоящим праздником, событием. Он редактирует и сборники сочинений школьников, выпускаемые филологической школой. Подумать только! Дома письменный стол буквально завален присланными для рецензирования работами, собственными рукописями, а он находит время, чтобы внимательно прочитать неумелые школьные сочинения и заметить в них все, вплоть до мельчайших стилистических неточностей.

Время профессора расписано по минутам в полном смысле этого слова. С каждым годом дневной распорядок становится все более плотным. Если раньше можно было больше заниматься собственной работой, то теперь много часов уходит на руководство аспирантами. Прошлым годом он доволен — его ученики защитили четыре кандидатских диссертации. «К науке нельзя относиться легкомысленно, — говорит ученый. — Среди учителей есть «урокодатели» и есть Учителя. То же и в науке. Есть ремесленники от науки, есть ученые. Необходимо терпение, большая внутренняя дисциплинированность. Ученый должен быть принципиален, честен. И кроме всего, ученый — это в известной мере и общественный деятель. Нельзя жить только узкопрофессиональными интересами».

Сам Яков Аронович много сил отдает общественной работе...

Он очень внимателен к студентам, самостоятельно занимающимся научной работой. Когда приходишь к нему за советом, то воздается впечатление, что чтение твоей работы — самое важное его дело, так увлеченно и заинтересованно он анализирует ее. Это очень требовательный и в то же время тепло и радушно относящийся к студенту руководитель.

Я прощаюсь с профессором. А человек, с которым я только что разговаривал, садится к столу и продолжает работать. Этот человек живет большими творческими радостями, большими заботами, большими надеждами. И встреча с ним оставляет в памяти и сердце очень большой, четко различимый след.